

УДК 347.77

Колегов Александр Сергеевич

магистр юр. наук, руководитель юридического отдела студии разработки и издания компьютерных игр
ООО «Эксбо Север»
Россия, Санкт-Петербург
kolegov.lawyer@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АНАЛОГИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ, ПРОИЗВОДНЫХ ОТ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

Объекты цифровой экономики, не имеют ни четкого определения, ни конкретного перечня. Исследования на эту тему нечасто делают акцент на том, что многие из объектов цифровой экономики, например, аккаунты, виртуальное имущество, криптовалюты – являются ничем иным, как производным от использования результатов интеллектуальной деятельности, как правило, связки базы данных и программы для ЭВМ, а следовательно, такое происхождение следует учитывать при изучении сущности объектов цифровой экономики и разработке механизм правового регулирования. В этой статье автор проводит исследование права собственности к контексте возможности применения его составляющих для регулирования объектов цифровой экономики.

Ключевые слова:

интеллектуальная собственность, база данных, программа для ЭВМ, вещное право, право собственности

Alexander S. Kolegov

Master of Legal Sciences, Head of the Legal Department of the studio for the development and publication of computer games
Limited Liability Company "Exbo North"
Russia, St. Petersburg

PROBLEMS OF APPLYING THE ANALOGY OF PROPERTY RIGHTS TO THE REGULATION OF DIGITAL OBJECTS DERIVED FROM THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY

Abstract

The objects of the digital economy have neither a clear definition nor a specific list. Research on this topic rarely focuses on the fact that many of the objects of the digital economy, for example, accounts, virtual property, cryptocurrencies, are nothing other than derived from the use of the results of intellectual activity, as a rule, bundles of databases and computer programs, and therefore, such an origin should be taken into account when studying the essence of objects digital economy and the development of a mechanism of legal regulation. In this article, the author conducts a study of property rights in the context of the possibility of using its components to regulate the objects of the digital economy.

Keywords:

intellectual property, database, computer program, property law, property law

Изучая конкретные проблемы, связанные с классической теорией вещных прав и ее краеугольный камень, право собственности, в контексте применения к цифровым объектам, необходимо в первую очередь понимать, что вещное право, как подотроль гражданского права на сегодняшний день составляет фундамент гражданского-правового регулирования, однако, как отмечали многие цивилисты, остается недостаточно разработанным в современных исследованиях.

На это есть свои причины, в частности, не стоит упускать из внимания тот факт, что в советское время вещное право, как обособленная правовая и научная категория не существовала по многим причинам, а в период своего появления и развития в Российской Федерации большее внимание уделялось отдельным институтам,

имеющим больше прикладного значения, например, земельному праву, которое Суханов называет «основой гражданского оборота» [1].

И действительно, использование земельных участков, находящихся на них ресурсов и недр является во всех смыслах материальным фундаментом, особенно для стран с преимущественно сырьевой экономикой, к числу которых по ряду оценок относится и Российская Федерация. Уровень важности регулирования земельных правоотношений косвенно показывает и тот факт, что согласно Положению о Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – «Росреестр») [2], именно Росреестр является федеральным органом исполнительной власти, который осуществляет надзор за деятельностью саморегулируемых организаций арбитражных управляющих.

Ведь такое положение, в сущности, указывает на то, что с точки зрения как минимум исполнительной ветви власти в текущей правовой системе, надзор за деятельностью арбитражных управляющих в ходе банкротных процессов должен вестись людьми, компетентными в вопросе недвижимости. Это неудивительно, ведь земельные участки и недвижимость, в сущности, являются древнейшим объектом собственности человека.

Таким образом, можно сказать, что сигнатурным, знаковым для всего вещного права не только в Российской Федерации, а во всех романо-германских системах является право, регулирующее отдельные отношения, связанные с оборотом земельных участков – уровень юридической техники, правоприменения и разработанности доктрины в этой служат «ориентиром» для других отраслей гражданского права.

В таких условиях интересным кажется тезис, что отдельные категории, относящиеся к институтам, регулирующим отношения в сфере недвижимости, например институт владения как часть права собственности, можно было бы брать за некую проверенную временем основу и использовать для адаптации к правовому регулированию объектов цифровой экономики. Ведь если провести сравнительный анализ, то окажется, что у этих объектов есть ряд признаков, дающих им определенные схожие свойства.

Во-первых, и недвижимость, и цифровые объекты привязаны к более общему понятию. Как правило, под недвижимостью понимают земельные участки или объекты, неотрывно с ними связанные с Землей как более общим понятием,

объединяющим все объекты на ступеньку «ниже». Невозможно отделить земельный участок от земли; ровно так невозможно отделить цифровые объекты от Интернета – они либо не будут существовать, либо потеряют свою ценность, которая заключается именно в возможности применения их в составе единой технологии, неотрывной от комплекса взаимосвязанных ЭВМ.

Во-вторых, субъекту принадлежит не сам земельный участок или недвижимость, а права на этот земельный участок или недвижимость, а именно право собственности, включающее в себя право владения, право пользования и право распоряжения.

И в этой части начинаются существенные различия между земельными участками и любыми цифровыми объектами – для последних институт владения как таковой не применим по двум основным причинам: во-первых, многие проблемы института права владения до сих пор не решены, во-вторых, сама концепция института владения неприменима к цифровым объектам. Обе эти проблемы настолько комплексны, что требуют детального рассмотрения.

Так, одним из камней преткновения в вопросе применения права владения относительно цифровых объектов является проблема незащищенности добросовестного владения от собственника. Ярким примером, с которым довелось в ходе подготовки настоящего исследования столкнуться автором, стал ряд дел в арбитражном суде по поводу недвижимого объекта, здания музея русского художника Константина Васильева. Так, ООО «Клуб любителей живописи Константина Васильева» («Клуб»), а точнее – конечная судьба здания («Строение»).

Еще в 1988 г. Единый научно-методический центр Главного управления культуры исполнительного комитета Московского городского совета народных депутатов по инициативе создания галереи картин Константина Васильева обратился к исполнительному комитету Тимирязевского районного совета народных депутатов, который вынес решение о передаче строения на баланс Клуба, согласно которому, Тимирязевскому тресту столовых разрешалось передать на баланс Общества Объект с остаточной балансовой стоимостью 2 000 (две тысячи) рублей Госбанка СССР, а Обществу надлежало провести ремонтно-восстановительные работы.

Общеизвестно, что «баланс» на сегодняшний день является сугубо бухгалтерской характеристикой и в праве не используется, в то время как в СССР собственность передавалась в бессрочное фактическое владение и пользование путем «передачи на баланс» - такой термин использовался в большом количестве

правоприменительных актов. Что интересно, такое понятие неплохо отражает саму суть многих цифровых активов – они находятся, фактически, на балансе пользователя в той или иной информационной системе.

Таким образом, получив на «баланс», а по существу – во владение и пользование Строение, Клуб в течение 32 лет фактически открыто владел зданием, согласовав и проведя ремонтные работы и открыв в 1998 г. экспозицию картин Константина Васильева. В соответствии с положением ч. 4, ст. 234 ГК РФ, течение срока приобретательной давности начинается со дня поступления вещи в открытое владение добросовестного приобретателя.

Клуб не раз пытался получить право собственности на основании приобретательной давности по прошествии 15-летнего срока, однако всякий раз Арбитражный суд отказывал на основании одной и той же мотивации: Строение, по мнению суда, и до, и после его передачи на баланс Клуба находилось в собственности Москвы и является объектом городской собственности [3].

Однако, в соответствии с п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 10/22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»[4], право собственности в силу приобретательной давности может быть приобретено на имущество, принадлежащее на праве собственности другому лицу, а также бесхозяйное имущество.

Аналогичная позиция была высказана Верховным судом в действовавшем на момент рассмотрения иска Клуба Постановлении Пленума ВАС РФ от 25.02.1998[5], который напрямую указал, что согласно статьям 225 и 234 ГК РФ право собственности в силу приобретательной давности может быть приобретено как на бесхозяйное имущество, так и на имущество, принадлежащее на праве собственности другому лицу.

В таком случае, если Арбитражный суд придерживается той позиции, что Строение не выбывало из собственности Клуба, значит, оно находится в собственности города и Росреестр должен благоприятствовать Москве, которую в данном виде отношений представляет Департамент городского имущества г. Москвы. И действительно, Департамент городского имущества г. Москвы в свое время обратился в Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по г. Москве, но получил отказ в регистрации. В 2012 г. Департамент

городского имущества г. Москвы обратился в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением об оспаривании решения регистрирующего органа. Первая инстанция и апелляционная инстанция требования Ответчика удовлетворили, однако кассационная инстанция отправило дело на новое рассмотрение. Арбитражным судом г. Москвы при пересмотре дела по существу было указано следующее: «Резолютивная часть решения не устанавливает право собственности города Москвы на спорный объект недвижимости».

Таким образом, складывается очень интересная с точки зрения права ситуация, явно показывающая существующий правовой пробел: собственник, а именно государство в лице Советов городского и муниципального уровня, совершило волеизъявление и передало бессрочное право владения и пользования, тем самым создав, фактически, титул на имущество. Однако, через какое-то время государство прекратило свое существование, и передало свои права продолжателю. В юридическом смысле это сингулярное правопреемство, которое, с одной стороны, не меняет саму суть прошлого волеизъявления и статуса добросовестного титульного владельца, а с другой стороны, учитывая административную и властную специфику отношений – фактически меняет объем прав и обязанностей, путем добавления конкретных норм-правил в нормативно-правовые акты [6].

Так, в вышерассмотренном примере для обеих сторон – добросовестного титульного владельца и исполнительного органа государства, стали действовать нормы кадастрового учёта, предполагающие определенные нормативные требования к документации.

Однако, Департамент городского имущества г. Москвы не смог собрать необходимый комплект документации и стать собственником не с точки зрения «изначальных прав», а с точки зрения соответствующей записи в реестре – как и титульный добросовестный владелец.

Причины, по которым за столь долгий срок ни одна из сторон не смогли собрать необходимые документы, находится вне рамок настоящего исследования, сейчас нас интересует вопрос чистой природы права владения и титульного владения. В конечном счете случился парадокс, когда имущество фактически находится во владении лицом, однако собственник этого имущества отсутствует, хоть и присутствуют лица, претендующие на такое владение.

В данном случае, по мнению автора, подобная ситуация является спецификой имплементации в правовую систему Российской Федерации системы Торренса, которую в рамках настоящего исследования стоит рассмотреть подробнее.

В её основе лежит три достаточно простых и понятных принципа.

Принцип открытости, или же принцип зеркала предполагает, что сведения, содержащиеся в государственном реестре, признаются законом достоверными и существенными «по умолчанию», путем отражения их в документе – сертификате или выписке, которые подтверждают, что запись в отношении этого имущества существует в реестр. То есть, в интересах собственника сообщить достоверные сведения о своем титуле; более того, сами сведения о земле, зданиях, существующих обременениях и так далее не меняются, меняется только собственник – остальные сведения являются открытыми. В современных реалиях это означает, что сведения хранятся в открытых базах данных, администрируемых государством. В Российской Федерации существует множество сайтов, предоставляющих бесплатно услугу по просмотру сведений с кадастровой карты, а за небольшую государственную пошлину можно получить выписку с более подробной информацией, в частности, о собственнике и цепочке прошлых сделок.

Принцип занавеса означает, что все остальные сделки в цепочке прошлых владений «по умолчанию» скрыты, так не имеют значения – только текущий собственник имеет право на распоряжение недвижимостью.

Принцип компенсации же подразумевает компенсацию за нарушение прав собственника из-за действий регистратора или третьих лиц.

В рамках данного исследования нас не интересует, насколько хорошо указанные и иные принципы системы Торренса реализованы в Российской Федерации, нужно лишь отметить, что на взгляд автора, система Торренса в Российской Федерации реализована, так как главные ее принципы выполняются Единым Государственным Реестром Недвижимости и Единым Государственным Реестром Прав на Недвижимость («ЕГРН», «ЕГРПН»); в совокупности, описывая реализацию системы Торренса получается следующая формула: в система Торренса мы имеем реестр данных, сам факт записи в которой считается всеми участниками достоверным, релевантным и доверенным, а взаимодействие с реестром для передачи прав на недвижимость происходит исключительно через сам реестр по устанавливаемым регистратором механизмом.

Если заменить в этой формуле «недвижимость» на «цифровой актив», получится формула, практически полностью описывающая блокчейн.

Блокчейн в своей сути – это распределенный реестр данных, записи в котором считаются всеми участниками достоверными, релевантными и доверенными, а взаимодействие с блокчейн сетью происходит исключительно через предусмотренный разработчиком технологический стек.

В таком контексте, если рассматривать земельный участок не как объект хозяйственного использования для выращивания сельскохозяйственных культур или строительства зданий, или любого иного вида деятельности, а исключительно как рыночной актив в рамках, например, девелоперской деятельности, то обнаруживается, что именно такая торговля, по сути, титулом, торговля правом, мало отличается от торговли цифровыми финансовыми активами.

Автор провел аналогию именно с цифровыми финансовыми активами, блокчейном, так как если для вещного права сигнатурным является земельное право, то для цифрового права таким наиболее экономически ценным объектом являются именно цифровые финансовые активы.

В этой части исследования не стоит задачи изучить правовое регулирование цифровых финансовых активов; задачей настоящей части является полное выявление проблем соотношения теории вещных прав с теорией цифровых прав.

Возникшее задолго до появления первых объектов цифровых прав институт вещных прав очевидно не предназначался для регуляции цифровых объектов и прав на них. Поэтому такая классическая формула триединства права собственности, состоящая из прав владения, пользования и распоряжения не применима в классическом виде к правам на цифровые объекты.

Так, спорной является возможность признания для объектов цифровой экономики права владения, субъективной возможности осуществления фактического господства над вещью, предполагающее возможность иметь вещь у себя физически. Вещь в классическом понимании римского права это какой-либо физический объект, существующий в одном или ограниченном количестве экземпляров. Физическое покушение на вещь, например, кража, является уголовным преступлением и перехода фактического господства над вещью к правонарушителю. В случае с цифровыми правами, для абсолютного большинства цифровых объектов, например исполнений музыкальных произведений, невозможно проконтролировать количество экземпляров

музыкального произведения – любое лицо, получившее законный доступ к этой вещи, будет иметь техническую возможность создать копию и использовать путем дальнейшей продажи. Незаконное возмездное воспроизведение в данном случае и будет нарушением правомочий собственника, но, с точки зрения автора, это не ущемит право владения, поскольку это не лишает собственника произведения наличия физической копии, экземпляра такого произведения на ЭВМ и возможности самому заниматься реализацией произведения. Безусловно, такие действия образуют безусловный состав нарушения исключительного права автора, заключающийся в упущенной выгоде авторе и лиц, занятых в реализации произведения, но не образуют состав нарушения правомочия владения автора и правомочных владельцев – тех, кто прослушивает произведение на законных основаниях, например, купив экземпляр.

Что касается устранения такого нарушения, здесь есть ряд проблем. В случае с нарушением исключительного права на товарный знак, под которым выпускается товар физически, например, фирменная одежда, предусмотрена правовая процедура поиска и изъятия у нарушителя права владения изготовленного незаконного тиража товара, а также материалов и оборудования, используемых для производства. В частности, ст. 14.10 и 7.12 КоАП РФ подразумевают конфискацию таких вещей. Такая конфискация представляется реализуемой, поскольку в рамках применения следственно-оперативных мероприятий возможно установить конкретные физические места и маршруты перевозки и изготовления контрафактного товара и применить меры физического воздействия с целью изъятия. В случае же с незаконным распространением цифровых объектов, например, изображений и аудиофайлов, изъятие их из публичного доступа не представляется возможным и создает так называемый эффект Стрейзанд[7], социальный феномен, выражающийся в том, что попытка изъять какие-то файлы из публичного доступа с целью защиты прав собственника приводят лишь к более широкому распространению, приводя к неконтролируемому дублированию файлов на других серверах, появлению её в файлообменных сетях и другим формам тиражирования. Невозможно принудительно стереть файлы с тысяч персональных компьютеров и серверов по всему миру, это потребовало бы координации правоохранительных и судебных структур множества юрисдикций, что на практике не сегодняшний день не представляется возможным.

Однако в данном контексте нас интересует не вопрос распоряжения правами, а самой сущности прав. Как уже было указано, единожды попав в открытый доступ,

объект интеллектуальной собственности вне зависимости от формы, фактически, становится доступен для неограниченного тиражирования, и, по сути, приобретает свойства информации, ведь основополагающее свойство информации – возможность ее неограниченного тиражирования. Уже сейчас можно сделать вывод о том, что любой цифровой объект, в сущности, является цифровой информацией в силу потенциальной возможности для неограниченного копирования, однако необходимо провести более глубокий анализ в части возможных прав.

Так например, вопросы вызывает и бремя содержания цифрового объекта - обязанность собственника поддерживать его в надлежащем состоянии, пригодном для дальнейшего использования и безопасном для окружающей среды. Очевидно, что хранение экземпляра цифрового объекта на носителе информации не создает реального бремени содержания, поскольку не требует постоянных затрат на хранение. Одновременно с этим, поддержка в работоспособном состоянии ряда цифровых объектов, например, компьютерных игр, социальных сетей и иных электронных сервисов, требует постоянной работы серверной, то есть аппаратной инфраструктуры, функционирование которой требует постоянных затрат. В данном случае серверная инфраструктура не единственный пример реального бремени содержания в контексте вещных прав на цифровые объекты, туда же, по мнению автора, можно отнести и техническую поддержку, а также разработчиков, дорабатывающих и устраняющих неисправности программ для ЭВМ и баз данных, используемых для работы цифрового объекта. Таким образом, здесь мы видим измененную форму бремени содержания вещи: с одной стороны, незначительную часть бремени содержания берет на себя пользователь того или иного цифрового объекта, устанавливая, например, на свою ЭВМ клиентскую часть сервиса, например, программу для обмена электронной почтой, а основную часть бремени содержания несет на себе владелец сервиса, обеспечивая функционирование обмена электронной почтой через сервер. Достаточно ли такой метаморфозы для того, чтобы утверждать о отдельном внутреннем содержании понятия «бремя содержания имущества» в контексте цифровых прав и цифровых объектов, остается вопросом дискуссионным и требует более детального научного исследования.

Таким образом, для цифровых объектов можно заметить явное несоответствие классической теории вещных прав. Как и в случае с криптовалютами, здесь можно говорить о необходимости доктринального обособления цифровых прав, цифровых

объектов и создания отдельной терминологии, применимой для всего множества объектов цифровой экономики.

При этом, в ходе исследования становится понятно, что понятие «владение» в классическом виде, в каком оно используется в традиционном вещном праве, абсолютно неприменимо в качестве базовой основы для описания состава цифрового права субъекта: право владения имеет существенные изъяны даже в «родной» для него сфере, связанной с материальными вещами.

На сегодняшний день, в ГК РФ используется термин «обладатель» для описания фактического владения; автор считает, что необходимо введения понятие номинального владения в отношении объектов цифровой экономики. Под номинальным владением следует понимать субъективное правомочие какого-либо лица иметь исключительное (не в понимании права интеллектуальной собственности, а в понимании единственного легального полномочия) право распоряжаться объектом цифровой экономики, которое должно удостоверяться владельцем информационной системы, в которой существует объект цифровой экономики, по принципам, схожим с системой Торренса. Подобная система на сегодняшний день существует, например, в системе доменных имён: аккредитованный регистратор доменных имён выдает свидетельство о праве владения.

На основании вышеизложенного, автор делает вывод о том, что «традиционные» правовые конструкции для цифрового права малоприменимы. В этой части можно привести логичное возражение, что это и так, по сути, бесспорно, однако, судебная практика во множестве дел продолжает использовать терминологию и механизмы, относящиеся к праву собственности, к объектам цифровой экономики; по мнению автора, в условиях перехода на цифровую экономику требуется как глобальный пересмотр глоссария, так и нормативная разработка сферы цифрового права.

Список использованных источников

1. Суханов Е.А. «Вещное право. Научно-познавательный очерк» // М.: Статут, 2017, 359 С.
2. Постановление Правительства РФ от 01.06.2009 г. № 457 (ред. от 15.11.2021 г.) «О Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии» (вместе с «Положением о Федеральной службе государственной регистрации,

кадастра и картографии»), п. 1 // «Собрание законодательства РФ», 22.06.2009 г., № 25, ст. 3052

3. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27.02.2010 г. по делу № А40-127942/09-6-933 // Электронный ресурс, URL: <https://kad.arbitr.ru/>

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г. (ред. от 23.06.2015 г.) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 7, июль, 2010

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 25.02.1998 г. № 8 «О некоторых вопросах практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Документ утратил силу в связи с изданием Постановления Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 г. № 23.

6. Гражданское право: Учебник: в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев и др.; под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016 г. Т. 1. 345 С.

7. Эффект Стрейзанд: как правильно реагировать на компромат // Средство массовой информации РБК, электронный ресурс, URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/618d17629a79470ec8362913> (дата обращения: 15.02.2021 г.)

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021 г.) ч. 4 ст. 234 // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994 г., № 32, ст. 3301

9. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.